

В.Л.Хейфец

Мехико — Москва — Мехико

Некоторые перипетии межпартийных отношений компартий в годы холодной войны

В статье на базе архивных материалов из фондов Международного отдела ЦК КПСС исследован ряд аспектов отношений между КПСС и Мексиканской Коммунистической партией. Показывая сложный путь освобождения компартии от наследия сталинизма, автор рассматривает ее, в том числе, с точки зрения советско-мексиканских межгосударственных контактов. Не ставя под сомнение демократическую эволюцию мексиканской компартии, в то же время отметим, что отношения между нею и ее советскими товарищами были далеки от фронтального противостояния даже после осуждения мексиканскими коммунистами ряда действий СССР.

Ключевые слова: КПСС, межпартийные отношения; СССР — Мексика; антисталинизм; Мексиканская коммунистическая партия; А.Мартинес Вердugo.

DOI: 10.31857/S0044748X24120049

Статья поступила в редакцию 16.03.2024.

Отношения между СССР и Мексикой, столетие установления которых отмечается в 2024 г., включали в себя не только официальные дипломатические контакты, но и сложные связи на межпартийном уровне, которые советская сторона в лице КПСС поддерживала (с разной степенью интенсивности) с несколькими партиями этой латиноамериканской страны. И эти связи периодически оказывались тесно увязаны с контактами на межгосударственном уровне между Москвой и Мехико.

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-19); профессор Университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Б.Морская ул., 67); ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (РФ, 113035 Москва, Б.Ордынка, 21/16, jcifets@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1294-7819).

Некоторые фрагменты этой статьи публиковались в журнале *Izquierdas* и используются с письменного разрешения указанного журнала.

Историография мексиканского левого движения в целом и его крупнейшего марксистского сегмента — Мексиканской коммунистической партии (*Partido Comunista Mexicano, PCM*) — достаточно обширна и включает как работы антикоммунистически настроенных авторов, так и не-безынтересную «официальную» историю *PCM* [1], целый ряд иных трудов, вышедших из-под пера австралийца Б.Карра [2], мексиканцев А.Кордовы [3], Х.Пелаэса [4], П.И.Тайбо II [5] и многих других ученых. После открытия советских архивов историография пополнилась значимыми трудами Д.Спенсер, Р.Ортис Перальта, К.Ильядеса [6], Э.Кончейро, И.Рейносо Хайме, Э.Кондесы Лары, О.Креспо, Х.Ортеги Рейны [7], В.Ойкион Солано, А.Мартинеса Натераса и других их коллег. В то же время заметной историографической лакуной до сих пор остается история отношений между *PCM* и КПСС. Частично завеса этой истории уже приоткрыта в воспоминаниях ключевых партийных активистов — Валентина Кампы, Мигеля Анхеля Веласко, Хильберто Ринкона Гальярдо [8], Энрике Семо [9] и Арナルдо Мартинеса Вердugo [10, 11].

В то же время история межпартийных контактов в условиях отсутствия доступа к архиву КПСС оставалась в немалой степени недосказанной. В этой связи целью данной статьи стало выявление — на базе новых материалов, обнаруженных в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), прежде всего документов Международного отдела ЦК КПСС, — основных факторов, повлиявших на характер отношений между КПСС и ее мексиканскими единомышленниками в период холодной войны. В статье задействован комплекс общеисторических методов исследования, позволяющий при сопоставлении архивных документов и ранее опубликованных источников и литературы реализовать поставленные научные задачи.

PCM И МОСКВА: ОТ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ К НОВОМУ КУРСУ

Сталинизованная к концу 1930-х годов *PCM* находилась под мощнейшим воздействием браудеризма (тезисов Эрла Браудера о национальном единстве в контексте сосуществования капитализма и коммунистического строя). Но по мере перемены позиции Москвы накануне холодной войны, в ходе рассеивания иллюзий по поводу Союзнической коалиции против стран Оси, идеи руководителя компартии США Э.Браудера внутри международного коммунистического движения были признаны неверными. В апреле 1945 г. руководитель Французской компартии Жак Дюкло резко обвинил Браудера в «искажении» роли конференции союзников в Тегеране и превращении ее в «политическую платформу классового мира» [12].

Летом 1945 г. новый руководитель американских коммунистов Уильям Фостер заявил, что целый ряд партий был «заражен» браудеровским «ревизионизмом»: эта критика была направлена в первую очередь против компартии Колумбии и компартий карибских стран. *PCM* не стала основным объектом критики, более того, ее лидер Дионисио Энсино ездил вместе с Фостером на Кубу в целях навязывания новой линии. Партийная газета *La Voz de México* опубликовала письмо Дюкло без комментариев. Но еще до того, как указывает Б.Карр, *PCM* была в курсе грядущего политического

поворота, узнав детали от своего активиста Карлоса Санчеса Карденаса, ездившего в США.

На заседании Национального совета *PCM*, состоявшемся 3 июля 1946 г. Санчес Карденас подверг нападкам Браудера, заявляя о необходимости занять более независимую от иностранцев и Висенте Ломбардо Толедано позицию [2, р. 144]. Эта речь являлась косвенной атакой на Энсина, связанного с идеей альянса с ломбардистами под лозунгом «Национального единства». Эти слова оказывались также непрямой критикой Москвы (которая и навязала линию единства с Ломбардо), хотя Санчес Карденас, пожалуй, этого не понимал. Руководители ВКП (б) вряд ли сомневались бы, если бы сочли необходимым железной рукой «вычистить» ряды *PCM*, чтобы освободиться от руководителей, связанных с браудеризмом, но не собирались позволить отождествить Москву с ранее совершенными ошибками или уклонами. Критический задор партийного оппозиционера Санчеса Карденаса позволил Энсине оставаться на вершине партийного руководства еще более десяти лет.

Расчеты *PCM*, что со временем вопрос «рассосется» сам по себе, оказались верными. Через пару недель В.Ломбардо Толедано публично поддержал Ж.Дюкло и подтвердил, что намерен продолжить сотрудничество с *PCM*. Формально осудив взгляды Браудера, *PCM* сохранила неизменной большую часть своих связей с некоммунистическими секторами, близкими к правящей партии, а Москва смотрела на это сквозь пальцы, поскольку Ломбардо оставался «священной коровой» для Кремля.

Арнольдо Мартинес Вердugo, которого считают главным мотором борьбы против сталинизма в Мексике, справедливо утверждал: «В тот момент *PCM* характеризовалась линией лишь небольшой, а то и вовсе нулевой независимости от Коммунистической партии Советского Союза, что мешало ей действовать в качестве политической силы, которая могла бы реально представлять национальные интересы революционной партии, опиравшейся на идеи Маркса и Энгельса» [10]. В то же время он уточнял: сводить позицию тогдашних лидеров *PCM* к сталинизму «означало бы упрощать гораздо более сложный феномен. В тот момент для нас главным было изменить ориентацию, которой придерживалась компартия во время серьезного кризиса... объединить людей, уже вовлеченных тем или иным образом в социалистическую борьбу» [10].

Остается загадкой, как эволюционировала бы *PCM*, если бы КПСС сама не начала отказываться от наследия своего бывшего лидера. *PCM* узнала о содержании доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС лишь какое-то время спустя. По словам одного из руководителей *PCM* Мануэля Террасаса, Энсиа был не в курсе деталей и заявил на заседании Политической комиссии партии, что Хрущев вообще такого доклада не делал, а Госдепартамент США распространяет лживую информацию [13, оп. 28, д. 440, л. 35].

Генеральный секретарь ЦК *PCM* оказался не единственным, кто был плохо информирован. Советский дипломат М.Ф.Черкасов, отвечая на вопрос Террасаса, заявил, что ничего не может сказать по данному вопросу [13, оп. 28, д. 440, л. 36]. Одним из первых поднял эту тему в *PCM* известный мураллист Давид Альфаро Сикейрос, заявивший советскому дипломату, что «при обсуждении этих документов нам следовало бы извлечь уроки, так как в партии, к сожалению, имеют место проявления прославлений

руководителей... ЦК упорно не желает заняться важным вопросом: почему партия в течение 16 лет не растет, не укрепляет своего влияния в профсоюзах и среди рабочих, почему ЦК и Д.Энсина замкнулись и оторвались от масс» [13, оп. 28, д. 440, л. 47-48].

Сам XX съезд КПСС не вызвал ни глубокого пессимизма, ни разочарования среди партийных активистов, ни смешения руководства, приведенного к власти московскими сталинистами в 1940 г. Энсина оставался на посту до 1959 г. и, если бы власти не подвергли его аресту, эволюция *PCM* оказалась бы иной. Но у истории нет сослагательного наклонения, и, как справедливо указывает Э.Семо, приход Мартинеса Вердugo на высший партийный пост в партии означал кругой разворот в идеологическом плане и повседневной практике *PCM*, «настоящее повторное основание партии» [9].

PCM, СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ СПОР И ВОПРОС О ГЕРИЛЬЕ

К привычным спорам внутри *PCM* в 1960-е годы добавились два конфликта общенационального значения: вокруг позиции по вопросу о возможности вооруженной борьбы и об отношении к советско-китайским идеологическим дискуссиям.

Латиноамериканские компартии приветствовали Кубинскую революцию, но в то же время с тревогой наблюдали за попытками Фиделя Кастро подчинить себе коммунистическое движение, которому отводилась роль безоговорочного младшего партнера партизан. Коммунисты не могли спокойно наблюдать, как идеологи герильи пытались не просто вытолкнуть их из политики, но и стереть их место в истории. К тому моменту у коммунистов уже имелся свой опыт вооруженной борьбы. (Так, для мексиканских левых являлась весьма важной история их национальной революции и гражданской войны, а в их рамках — история отношений с крестьянскими лигами.) В своей оппозиции геваризму компартии получили решительную поддержку со стороны КПСС.

Сотрудники кубинского Департамента Америк с 1962 г. осуществляли операцию «Призрак», участвовали в основании ряда партизанских групп и обучали военные аппараты компартий Уругвая и Венесуэлы [14, р. 45]. Однако они не оказывали серьезной поддержки мексиканским партизанам, что можно объяснить особым характером отношений между кубинским революционным правительством и властями Мексики, снабжавшим Остров Свободы нефтью и периодически поддерживавшим Кубу в ООН.

PCM стояла в стороне от дебатов, развернувшихся на Первой конференции Трех континентов в Гаване (1966 г.) между «историческими» коммунистами и кастритами, в ходе которой руководитель компартии Уругвая Родней Арисменди жестко ответил пропагандистам герильи: «Было бы абсурдом полагать, что всю Латинскую Америку можно раскрасить в единый серый цвет, чтобы начертать сверху общую формулу освобождения» [15]. В то же время внутри самой партии дискуссии были энергичными, а в некоторые моменты — когда правительственные репрессии уже сточались — значительная часть членов ЦК склонялись к позиции «активной солидарности» с партизанами. Вопрос о вооруженной борьбе оказался особенно значим для *PCM*, когда часть ее активистов присоединилась к

группе Лусио Кабаньяса в конце 1960-х — начале 1970-х годов в штате Герреро. Партизаны поначалу сумели захватить оружие и изъять кое-какие денежные суммы в банках, однако власти, сочетая жесткие действия армии с «социальными акциями», сумели разгромить повстанцев. Серьезной проблемой для партизан являлось отсутствие четкой политической поддержки, что снизило эффективность их борьбы.

По словам Х.Ринкона Гальярдо, в самый разгар «масштабной борьбы за обретение избирательного регистра и полемики о том, до какой степени можно защищать легальность», на пленуме ЦК проявились серьезные противоречия: «за исключением двух-трех человек, которых (в том числе меня) рассматривали как реформистов (тогда — страшный грех!), общая позиция заключалась в поддержке партизан, участии в партизанском движении и даже его организации» [8].

PCM, которая к тому времени уже начала поворот с целью превращения в общенациональную партию, уважающую правила буржуазного парламентаризма, чтобы следовать по пути демократических реформ, отстаивала в тех обстоятельствах борьбу против правительства и «буржуазной легальности» (это выражение использовал В.Кампа), тогда как КПСС выступала как раз за институциональные рамки такой «легальности». Позиция Москвы оказывалась куда умереннее, однако она не пыталась нарушить автономию *PCM*. Возможно, это было связано с тем, что в КПСС не придавали серьезного значения внутрипартийным спорам в рядах мексиканских коммунистов по поводу вооруженной борьбы и были уверены, что в любом случае большинство членов *PCM* воздержатся от участия в партизанской борьбе. Другим важным фактором толерантной позиции КПСС в отношении возможного «уклона *PCM*» являлась необходимость удержать ее на стороне СССР во время разрыва между компартией Китая и КПСС. ЦК КПСС в то же время был готов обеспечить военную подготовку руководителей ряда латиноамериканских коммунистов при условии, что кандидатов утвердят компартии и Москва, а партизанские акции не будут скоординированы с кубинцами и/или китайцами. Кроме того, помочь обуславливалась требованием не превращать партизанские очаги в ключевой пункт партийной стратегии.

В ряде случаев появление партизанских отрядов прямо затрагивало советские интересы. В марте 1971 г. мексиканские власти арестовали группу бывших студентов Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, активистов прокитайской организации Движение вооруженного действия, которые по окончании учебы в СССР прошли военную подготовку в КНДР [13, оп. 63, д. 727, л. 85]. Согласно заявлению мексиканских властей, арестованные путешествовали из Мексики в Москву, а затем в ГДР, откуда, получив северокорейские паспорта, направились через СССР в Пхеньян (вернулись они тем же маршрутом) [13, оп. 63, д. 727, лл. 52-60]. Аресты спровоцировали антисоветскую кампанию в мексиканской прессе и привели к высылке пяти дипломатов. Некоторые мексиканские политики прямо обвиняли посольство СССР в провоцировании студенческих демонстраций 10 июня 1971 г., в особенности групп, призывавших к революционному захвату власти. В этот момент как *PCM*, так и Народная социалистическая партия (*Partido Popular Socialista, PPS*) (ломбардисты) солидаризовались с СССР, решительно отвергая решение правительства Луиса Эчеверрии

(1970—1976 гг.) как «волюнтаристское» и «несправедливое», объявили весь инцидент провокацией, организованной ЦРУ. Секретарь «народников» Хорхе Круикшанк подчеркнул, что некоторые арестованные ранее состояли в его партии, но были исключены после выявления их контактов с ЦРУ [16].

Победа кубинских партизан привела к тому, что многие латиноамериканские левые сосредоточились на китайском опыте и теории народной революционной борьбы [17, р. 114]. Прежний российский опыт революции городских рабочих масс, знакомый с коминтерновских времен, а также хрущевская стратегия обретения власти электоральным путем (принятая совещаниями Коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг.) оказывались не столь привлекательны для революционной молодежи, желавшей немедленных перемен.

Делегация *PCM* участвовала в совещании компартий Латинской Америки в 1964 г., на котором была сделана попытка примирить сторонников и противников китайцев в среде латиноамериканских левых. Было принято решение направить делегацию латиноамериканских коммунистов в Москву и Пекин, чтобы заявить, что они не хотят участвовать в расколе и сохранят международное единство [18]. В состав делегации наряду с кубинцем Карлосом Рафаэлем Родригесом, уругвайцем Роднеем Арисменди, боливийцем Марио Монхе вошел и А.Мартинес Вердugo. Группа намеревалась просить у Мао Цзэдуна, чтобы он «снизил градус публичной дискуссии с КПСС, поскольку это наносило немалый вред компартиям Латинской Америки, в которых произошли несколько расколов на просоветские и прокитайские течения» [9]. В Москве делегация встретила поддержку, тогда как Пекин заклеймил делегатов как «ревизионистов». Мартинес Вердugo рассказывал, что Мао настаивал на существовании «весма глубоких» разногласий между Китаем и «товарищем Хрущевым» по поводу оценок международного политического положения, строительства социализма и истории коммунистического движения. «Мы будем продолжать спорить пять, десять, если необходимо — пятьдесят лет» [9]. Делегации *PCM* не удалось осуществить свою миссию, однако эта поездка привела к тому, что большинство латиноамериканских компартий (включая *PCM*) решительнее стали отождествлять себя с линией КПСС, тогда как китайцы ускорили формирование собственных баз поддержки.

Э.Семо отмечает, что несмотря на раскол в коммунистическом движении Мартинес Вердugo «всегда выступал против исключения китайской компартии из [международного коммунистического] движения и неоднократно подчеркивал эту позицию, в частности, на Совещании коммунистических партий Латинской Америки в Гаване в июне 1975 г. Его позиция определялась тем соображением, что все компартии являются самостоятельными в разработке и практической реализации собственной политической линии, и ее надо уважать, даже если та отличается от линии других» [9].

Документы архивов демонстрируют неточность версии Семо, по всей вероятности, он путает подходы *PCM*, сформировавшиеся после некоторого дистанцирования партии от Москвы по итогам чехосlovakских событий августа 1968 г., и подходы, существовавшие на протяжении 1960-х годов. На деле позиция *PCM* была колеблющейся. Президиум ЦК *PCM* при обсуждении документов февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС «энер-

гично» осудил «раскольническую платформу китайцев и поддержал линию КПСС и других братских партий в вопросах борьбы за мир и мирное сосуществование, за единство международного коммунистического движения» [13, оп. 50, д. 599, лл. 42-43]. Еще ранее, на XIV съезде (декабрь 1963 г.) мексиканская компартия отвергла китайский подход и поддержала позицию ЦК КПСС [13, оп. 50, д. 500, л. 170].

Итальянский коммунист Ренато Сандри в ходе поездки по странам Латинской Америки смог отметить, что *PCM* была согласна с идеей созыва нового Международного совещания коммунистов, и заявляла, что руководящее ядро китайской компартии «несло непростительную ответственность» за националистический уклон. По оценке нескольких компартий (*PCM* в их числе), именно Совещание должно было указать революционным массам правильную генеральную линию, даже если сама КП Китая и отказалась бы участвовать в мероприятии. В то же время представители тех компартий добавляли, что, хотя СССР и КПСС «являются и останутся руководящим центром международного коммунистического движения», Совещание не должно никого исключать, и что «позиция какой-либо партии в отношении созыва Совещания не может соизмеряться с оценкой ее верности марксизму-ленинизму» (как раз так же считали в компартии Чили, Мексики и Уругвая). *PCM* соглашалась с идеей организации предварительных консультаций и двусторонних встреч на латиноамериканском уровне (такой же позиции придерживались чилийцы и перуанцы, но ее отвергали компартии Уругвая и Аргентины) для того, чтобы скоординировать собственные аргументы с точками зрения иных партий региона [13, оп. 50, д. 598, лл. 65-68].

Вырабатывая свои подходы, *PCM* исходила из невозможности альянса с Пекином в свете деятельности ряда оппозиционных (в отношении *PCM*) групп, прежде всего троцкистов, в пользу маоистов. В *PCM* были недовольны попытками китайцев добиться консолидации прокитайских секторов в Мексике, сочетавших симпатии к Пекину с открытой защитой сталинизма. В 1963 г. *PCM* вывела из состава ЦК трех членов [19], ранее проходивших обучение в пекинской партшколе (в КНР учились пятеро мексиканцев, трое из которых стали маоистами). Исключенные создали Коммунистическую Большевистскую партию (*Partido Comunista Bolchevique, PCB*). В 1964 г. прокитайские активисты организовали Мексиканское движение марксистско-ленинского антиревизионистского объединения (*Movimiento Mexicano de Unificación Marxista-Leninista Antirevisionista*), провозгласив разрыв с «ревизионистами» из *PCM* и В.Ломбардо Толедано и осудив любые попытки мирного сосуществования с империализмом. Позднее, в 1966 г., возникла Коммунистическая лига «Спартак» (*La Liga Comunista Espartaco, LCE*), уже более многочисленная и более влиятельная, сочетающая прокитайские, терсермундистские и геваристские позиции [20, р. 1122]. Революционная партия мексиканского пролетариата (*Partido Revolucionario del Proletariado Mexicano, PRPM*) во главе с Хавьером Фуэнтесом Гутьерресом была создана в 1967 г. и пользовалась серьезным влиянием среди студентов, возмущенных массовым убийством демонстрантов на площади Тлателолько в октябре 1968 г. [21, р. 108]. Однако полиция тщательно наблюдала за этой партией и сумела развалить ее в 1970 г.

Так или иначе, но на протяжении 1960-х годов *PCM* оставалась верной КПСС и ее позиции внутри международного коммунистического движения. В послании в Москву в марте 1965 г. Президиум ЦК *PCM* выразил «полное согласие» с результатами Консультативного совещания Коммунистических и рабочих партий, проведенного в столице СССР в том же месяце, и оценил их «эффективный вклад в дело единства международного коммунистического движения» «как никогда» необходимого перед лицом «агрессивности североамериканских империалистов в отношении народа Вьетнама» [13, оп. 50, д. 691, лл. 150-151].

В последующие годы *PCM* сохраняла в целом скептический в отношении взглядов китайцев подход, хотя и уже не столь активно демонстрировала поддержку советской позиции. Например, совпадая в оценке с мнением дипломатов СССР по поводу желания китайцев «придумать несуществующие угрозы со стороны Советского Союза» и нежелание КНР подписывать пакт о ненападении, Мартинес Вердugo указал, что Пекин делал это лишь для того, чтобы отвлечь граждан социалистического Китая от экономических трудностей и борьбы за власть, происходившей внутри китайской партии, а также для того, чтобы поставить под сомнение пацифистскую политику СССР [13, оп. 66, д. 1009, л. 24].

ПОВОРОТ К «ЕВРОКОММУНИЗМУ»

Более четкий водораздел в отношениях *PCM* с КПСС был прочерчен в августе 1968 г., когда мексиканцы безоговорочно осудили ввод войск Организации Варшавского договора на территорию Чехословакии. 21 августа 1968 г. Президиум ЦК *PCM* заявил, что «глубоко сожалеет о том, что кризис, возникший в отношениях между Коммунистической партией Чехословакии и другими партиями социалистического лагеря, привел к интервенции армий Советского Союза, Германской Демократической Республики, Польши, Болгарии и Венгрии в Чехословакию». *PCM* сочла, что военное вмешательство «наносило вред делу коммунизма во всем мире и усугубляло существующие в нашем движении проблемы». Однако эта позиция означала не столько идеологический разрыв, сколько отстаивание принципа о праве каждой партии самостоятельно намечать линию социалистического строительства. Осудив интервенцию, *PCM* отвергла « попытки империализма, направленные на использование этих событий для организации антисоциалистической кампании» [22]. В телеграмме в ЦК КПСС 27 августа Президиум ЦК *PCM* настаивал на «немедленном выводе войск и на нормализации отношений между чехословацкими партией и правительством на основе равенства, взаимного уважения и невмешательстве во внутренние дела» [22].

Стоит согласиться с утверждением Х.Ринкона Гальярдо, полагавшего, что заявления по чехословацкому вопросу были частью феномена всех событий, происходивших в Мексике в 1968 г.: «Это стало действием, наложившим отпечаток на всю жизнь *PCM*, единственной коммунистической партии в Латинской Америке, занявшей такую позицию. Лишь испанская, итальянская и японская партия сделали это с такой же решимостью. Это означало очень важный разрыв, освободивший нас и позволивший нам от-

делываться от одной доктрины за другой. Ранее общим «но», как я уже говорил, был тезис о классовой борьбе на международном уровне, он нас сковывал и делал привязанным к пролетарскому полюсу в лице Советского Союза. Вполне очевидно, что в этих условиях не могла развиваться борьба за демократию» [8].

Однако осудить позицию КПСС, а потом делать вид, что ничего не случилось, было непросто. *PCM* столкнулась с серьезным вызовом, который упомянул тот же Х. Ринкон Гальярдо: «В контексте bipolarного мира ситуация создавала для нас постоянное противоречие: с одной стороны, нас преследовал режим единой партии, *PRI*, с другой — мы видели многие похожие вещи и внутри КПСС. Поэтому наличие коммунизма с демократическим акцентом, признававшим плуралитизм (как это произошло в итальянской компартии или испанской компартии), пробудило наш интерес к «европокоммунизму», и последовательно привело нас к дистанцированию от советских товарищей» [8]. Студенческая борьба за демократию на протяжении 1968 г., как и недовольство жесткой позицией КПСС в международном масштабе, повлекли за собой смену целей *PCM*. Вместо того, чтобы выступать за пролетарскую революцию, партия превратилась в защитницу демократии, выступала за улучшения социальных условий и в последующие десятилетия не меняла этой позиции.

В 1968 г. руководители *PCM* встречались с президентом Густаво Диасом Ордасом (1964—1970 гг.). Это был первый подобный контакт со времен Второй мировой войны, с эпохи правительства президента Мануэля Авилы Камачо (1940—1946) [13, оп. 60, д. 472, л. 79]. По словам коммунистов, именно Г. Диас Ордас предложил провести беседу.

PCM подняла вопрос об отсутствии в стране демократии, потребовав полного реформирования существовавшей избирательной системы и освобождения заключенных железнодорожников. Кроме того, представители партии настаивали на принятии нового федерального закона о труде, требовали, чтобы правительство заняло более четкую позицию в деле борьбы за мир и за прекращение войны во Вьетнаме, высказались за установление торговых отношений со странами социалистического блока. Диас Ордас, решительно отвергнув возможность таких перемен, обвинил *PCM* в том, что она «не является независимой партией»*. Коммунисты энергично возражали против подобных утверждений, указав, что являются самостоятельной партией, укоренившейся в национальной действительности, активисты которой внесли немалый вклад в развитие Мексики в ряде областей жизни. Признавая наличие дружественных отношений *PCM* с рядом компартий, они заявили, однако, что как у Партии национального действия (*Partido Acción Nacional, PAN*), так и у Институционно-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) имелись широкие контакты за границей. Одновременно члены *PCM* подчеркивали, что вне зависимости от дружеских связей партия вырабатывает свою политическую линию самостоятельно. В конце беседы Г. Диас Ордас взял свои слова назад. Но было совершенно ясно, что *PCM* не могла бы вновь продемонстри-

* Президент имел в виду регулярные поездки членов *PCM* в социалистические страны.

ровать зависимость от СССР в ситуации сильного общественного недовольства, вызванного действиями ОВД в Чехословакии. По словам самого же Мартинеса Вердugo, «мы отталкивались от проблем Мексики, и именно в этом состояла основа нашей работы; соответственно, проблема демократии оставалась центральной проблемой страны. Хотя другие силы предпринимали попытки указать, что демократия не была ключевым пунктом, в том числе, так заявлял ряд крайних групп, полагавших, что надо было ставить вопрос о революции, а не о демократии» [11]. Кроме того, нельзя было требовать демократии внутри страны, не замечая, как одна из стран социалистического блока подавляла демократию в другом государстве того же блока.

КПСС была не очень довольна публично высказанной *PCM* позицией по чехословацкому вопросу, но прекрасно осознавала существование иных факторов, связанных с принятием этого решения. В то же время Москва не особо опасалась возможного разрыва. Конфликт внутри международного коммунистического движения в свете китайско-советского раскола, а затем и появления еврокоммунизма дошел до такой точки, что уже было непринципиально, перейдет ли *PCM* полностью в лагерь партий, критикующих позицию Кремля, или нет. Мексиканские коммунисты не собирались поддерживать китайцев, и Москва это знала. Среди ряда активистов существовало недовольство по поводу резолюции Президиума ЦК партии (хотя большинство из них не стало покидать партийные ряды) [9], и эти настроения также были известны КПСС.

Однако КПСС попыткалась выяснить дополнительные подробности и повлиять (безуспешно) на позицию *PCM*. 4 октября 1968 г. Хосе Энкарнасьон Перес, секретарь *PCM*, беседовал с членом ЦК КПСС Федором Даниловичем Рыженко. Мексиканский коммунист утверждал, что линия *PCM* основывалась на принципе пролетарского интернационализма и независимости партий, ссылаясь на формальные резолюции, принятые на московском Совещании коммунистических и рабочих партий: «Мы считаем естественным, что коммунистические партии могут иметь различные точки зрения по одному и тому же вопросу, и что это способствует дальнейшему развитию международного комдвижения. Наша партия прошла через довольно длительный период кризиса, когда в ней преобладали догматические и сектантские тенденции, в тот период мы исключали из партии любого члена, у которого была точка зрения, отличная от точки зрения руководства; и если бы в тот период наша партия находилась у власти, то этот человек был бы расстрелян» [13, оп. 60, д. 472, л. 142].

Х.Энкарнасьон Перес пояснил, что *PCM* внимательно наблюдала за происходившим в ЧССР, начиная с январского пленума 1968 г. ЦК КПЧ, и была хорошо осведомлена о деталях событий, получая информацию из страны и проверяя ее в ходе поездок активистов *PCM* в Прагу. Он добавил, что по возвращении из Москвы вновь поедет в центральноевропейскую страну, поскольку необходимо было обсудить ряд вопросов, связанных с деятельностью журнала «Проблемы мира и социализма».

Хотя Перес оценил заявления Президиума собственной партии в августе 1968 г. как «возможно, неверные», его слова были не более чем попыткой вежливо объясниться [13, оп. 60, д. 472, л. 142]. КПСС подчеркивала международные аспекты проблемы и то, что *PCM* оказалась в связи с чехословацким

вацкими событиями «в одной компании по этому вопросу с Джонсоном, Мао и Папой Римским», однако посланец *PCM* не позволил беседе перерастти в дебаты о классовой борьбе между мировыми социализмом и империализмом. Он пояснил, что *PCM* согласна с идеей созвать новое Совещание коммунистических и рабочих партий (после консультативной встречи в Будапеште), однако было бы лучше сделать это для поиска окончательного решения чехословацкой проблемы, а не для углубления противоречий внутри международного коммунистического движения.

Чехословацкий вопрос вызывал внутренние споры внутри *PCM* на протяжении ряда лет. Во время подготовки XVI съезда (состоявшегося в октябре-ноябре 1972 г.) местные организации коммунистов в Халиско, Синалоа, Коауиле, Герреро, Чиуая, Юкатане и г. Сальтильо выступили с резкой критикой по поводу «сектантства в Центральном Комитете». Бывшие руководители партии Дионисио Энсина, Хорхе Фернандес Анийа [13, оп. 63, д. 727, лл. 36-37] и Фернандо Кортес планировали создание специальной комиссии по реорганизации *PCM*, получив в этом вопросе поддержку со стороны Мануэля Террасаса. Позднее ситуация усугубилась исключением из ЦК партии (по не связанным с данным вопросом делу) Давида Альфаро Сикейроса. Не получив ответа от ЦК, коммунисты Коауилы начали собирать документы КП Чехословакии (в первую очередь, газету *Rudé právo*, отражавшую точку зрения промосковского руководства ЧССР), чтобы распространять их среди местных организаций *PCM*. Одновременно член ЦК *PCM* Антонио Франко на внутреннем совещании заявил, что партия «разделяет озабоченность» испанских, итальянских и венесуэльских коммунистов и что она была «единственной [коммунистической] партией в Латинской Америке, отказавшейся от традиционного догматизма» и начавшей «искать свой собственный мексиканский путь к социализму» [13, оп. 63, д. 727, лл. 37-38]. Внутрипартийная борьба вызвала неоднократный перенос времени начала съезда *PCM*.

PCM, в свою очередь, знала, что не являлась исключительным партнёром Москвы в Мексике. КПСС и СССР поддерживали довольно дружественные отношения с В.Ломбардо Толедано (единственной частью «левой» оппозиции, лояльно настроенной в отношении *PRI* и даже имевшей контакты с *PRI*). Ни Ломбардо Толедано, ни тем более *PRI*, не были включены в число «друзей» (советский эвфемизм для обозначения коммунистов), но отношения выходили за рамки исключительно формальных и за границы дипломатического протокола. Чтобы не задеть чувства *PCM*, Москва в то же время предпочитала использовать профсоюзные каналы для поддержания отношений с Ломбардо Толедано («который является другом СССР и проводит пропаганду ее внутренней и внешней политики и не поддерживает раскольническую позицию китайских руководителей») [13, оп. 50, д. 399, л. 36]. ЦК КПСС знал в деталях ломбардистскую позицию и, сохранив широкие и дружественные отношения с В.Ломбардо Толедано и его партией, в течение ряда лет избегал того, чтобы делать декларации, которые могут быть восприняты как прямая поддержка его «внутренней линии», в то же время пресса СССР неустанно подчеркивала «прогрессивность» *PPS*.

В.Ломбардо Толедано в ряде аспектов был выгоден СССР, заинтересованному в расширении отношений с мексиканским правительством. Хотя некоторые его теоретические взгляды не совпадали с советской трактовкой марксизма, политическая линия Ломбардо отличалась от линии *PCM*. Ломбардо упрекал *PCM* за «непонимание» национальной действительности [6, р. 278; 23, р. 340] и неустанно повторял, что как он сам, так и его партия, занимают «последовательно марксистскую позицию» (и даже «марксистско-ленинскую!»), определяя антиимпериализм в качестве базы для достижения единства всех мексиканских левых [13, оп. 50, д. 691, лл. 75-76].

Основной конфликт в Мексике, по словам Ломбардо, заключался в конфликте с доминирующим империализмом (тогда как коммунисты видели конфликт в противоречиях между трудящимися массами и буржуазной системой), отсюда они делали вывод о необходимости альянса с националистически ориентированной буржуазией и подталкивания ее «налево». Классовое сотрудничество являлось для Ломбардо инструментом постепенной, но неизбежной эволюции постреволюционного режима в направлении (очень далекого) социализма. Как и коммунисты, Ломбардо Толедано являлся заклятым противником троцкизма, но сохранял хорошие отношения с правительством и был частью институционализированной политики в стране. Москва рассматривала его как весьма важного актора в мексиканской политике и, хотя и не доверяла ему на все сто процентов, была уверена, что тот мог бы оказаться полезен.

В одной из бесед с советскими дипломатами Ломбардо подчеркнул, что он лично и его партия якобы «всегда выступали» за единство с *PCM*, но коммунисты (по его словам) были в этом мало заинтересованы [13, оп. 50, д. 691, л. 79]. Мексиканский «некоммунистический марксист» занял весьма ловкую позицию, пытаясь убедить КПСС и СССР в том, что именно с ним, а не с коммунистами следовало вести диалог. Он применял те же самые схемы, которые успешно сработали в 1930-е годы, когда он сумел заставить компартию проводить политику «единства любой ценой» во время создания Конфедерации трудящихся Мексики и ослабить независимые коммунистические профсоюзы.

СССР и КПСС постоянно анализировали степень полезности Ломбардо для Москвы и международной политики КПСС. Соответствующие замечания и выводы, которые делали советские дипломаты, выглядятзвешеными и объективными: «Он последовательно выступает в защиту Советского Союза и социалистической Кубы, является одним из активных борцов в Мексике за мир и мирное существование... В идеологическом споре с руководством КПК Толедано, как известно, стоит на наших позициях, о чем свидетельствует его книга «Москва или Пекин»... Вместе с тем следует со всей ясностью и решительно подчеркнуть, что во многих вопросах внутренней политики Мексики Ломбардо Толедано занимает соглашательскую с национальной буржуазией позицию... Правительство и правящая буржуазная партия Мексики активно используют соглашательскую позицию Толедано в своих интересах, всеми мерами стремятся усугубить разногласия и споры между руководством Компартии и Соцпартии» [13, оп. 50, д. 691, лл. 84-86].

Посольство советовало Москве не вмешиваться в дебаты между *PCM* и *PPS*, принимая во внимание «хорошие товарищеские отношения» с руководством

водителями компартии, но, в то же время, принимая в расчет влияние В.Ломбардо Толедано среди интеллигенции и в правительстве, в силу его полезности для СССР, поддерживать контакты и связи с ним, «используя по возможности его для укрепления наших отношений с Мексикой», но не давая предлога «руководству наших друзей [PCM. — Прим. авт.] жаловаться на то, что Посольство уделяет слишком много внимания Ломбардо Толедано как руководителю Социалистической партии» [13, оп. 50, д. 691, л. 87-88].

PCM в 1968 г. была осведомлена об аргументах, которые Ломбардо использовал в ходе переговоров с КПСС. Однако компартия не могла выяснить, позволила ли себе Москва в какой-то момент согласиться с доводами Ломбардо, и вовсе не стремилась увеличить значимость PPS в конкуренции с коммунистами. Следовало брать в расчет то, что если PCM осудила действия ОВД в Чехословакии, то ломбардисты заняли позицию в поддержку ввода войск в ЧССР (став единственной партией в Мексике, выступившей с подобной декларацией).

Интересно, что милиция и КГБ СССР не позволили проведение акции протеста 200 латиноамериканских студентов 14 октября 1968 г. против массового убийства на площади Тлателолько 2 октября (на которую пришли китайские и кубинские дипломаты и журналисты) [13, ф. 50, оп. 60, д. 472, л. 156]. КПСС и советское правительство прекрасно знали, что произошло в мексиканской столице; соответствующий отчет советского посольства не оставлял места для сомнений: власти осуществили преступное массовое убийство [13, ф. 50, оп. 60, д. 472, лл. 214-219]. Но доклад был непубличным, а Москва была заинтересована в сохранении и расширении отношений с мексиканским правительством, даже если это означало принять с относительным спокойствием убийство молодых активистов (многие из которых были членами компартии). PCM приходилось принимать этот фактор во внимание. ЦК КПСС не хотел рисковать в тот момент, когда правительство Г.Диаса Ордаса обдумывало возможность высылки двух-трех советских дипломатов (якобы за поддержание контактов с PCM и студенческим движением и предоставление им финансовой помощи) [13, ф. 50, оп. 60, д. 472, л. 229].

В целом процесс идеологического размежевания PCM и КПСС, начавшийся в августе 1968 г., продолжил развиваться, хотя и не дошел до уровня конфликта, сопоставимого с европейскими «еврокоммунистическими» партиями, не говоря уже о разрыве, подобному отношениям с китайской компартией или Албанской партией труда.

Э.Семо вспоминает, что в ходе подготовки Международного Совещания коммунистических и рабочих партий, назначенного на 1969 г. (в это время он работал в ГДР корреспондентом газеты *Oposición* и отвечал за связи с мексиканскими студентами, обучавшимися в социалистических странах) вместе с Херардо Унсуэйтой участвовали в «бесконечных дискуссиях» в Венгрии (председательствовал на них Отто Вильгельмович Куусинен, «один из основных идеологов КПСС»; позднее делегаты PCM информировали ЦК своей партии о ходе дискуссии. На базе этих внутренних дискуссий руководителей PCM Мартинес Вердugo* подготовил свое выступление (его черновик был скорректирован в ходе обсуждения с мексиканскими делегатами в Москве)

* Двумя другими членами партийной делегации стали Энрике Семо и Лино Медина.

на Международном совещании 1969 г. [24, pp. 233-243]. И хотя его речь была полна недомолвок и была написана привычным для коммунистов того времени эзоповым языком, принципы *PCM* выглядели ясно: «Отвергнуть идею о том, что коммунистическое движение обладает структурой в рамках демократического централизма и настаивать на независимости каждой Коммунистической партии для определения наиболее адекватной для соответствующей страны политической линии... решительно выступить против отстранения той или иной партии... заявить, что различия в условиях, в которых строится социализм, делает невозможным и ненужным... существование какого-либо регионального и мирового руководящего центра коммунистического движения» [10].

Руководитель *PCM* считал данный подход не «критикой сталинизма», а главным образом защитой «независимости и автономии партий, входивших в данное движение» [10]. По словам Мартинеса Вердugo, «сталинистские тенденции в международном коммунистическом движении» выражались в конкретных делах, и «мы отвергали их также конкретными делами». В то же время *PCM* не сжигала мосты и старалась не упоминать «китайско-советскую борьбу» или прямо ссылаться на вторжение в Чехословакию; она твердо провозглашала свою солидарность перед лицом совместного врага (империализм и капитализм) и единство действий компартий [9]. *PCM* также старалась не слишком сближаться с европейскими еврокоммунистами, полагая, что мексиканские условия «сильно отличаются от условий в Западной Европе», и считая, что «единство действий» было гораздо больше необходимо в рядах латиноамериканского коммунистического движения, нежели в рамках еврокоммунизма. Нельзя не согласиться с Х.Ортегой, отмечающим разницу между итальянским еврокоммунизмом и позицией *PCM* в 1968 г.: Итальянская компартия «хотела достичь сближения с христианскими демократами и их базой. *PCM* же в это время никогда не выступала в роли союзника *PAN*, ни тех или иных секторов *PRI*» [7, pp. 195-223].

Но даже эта гораздо более умеренная позиция, по сравнению с занятой *PCM* позицией в августе 1968 г., вызвала, по словам Э.Семо, «реакцию КПСС, напоминавшую ледяное молчание в отношении мексиканских коммунистов»: «на всех встречах вокруг нас образовывался вакуум, а некоторые страны реального социализма прекратили приглашать нас на свои совещания и празднования. Чувствовалось также определенное давление со стороны латиноамериканских партий, поддерживавших все позиции КПСС». Вероятнее всего, дело обстояло именно так, и не доверять воспоминаниям Э.Семо в данном аспекте оснований нет. К примеру, в 1971 г., по словам Мартинеса Вердugo (сказанным им польскому дипломату) его не пригласили на встречу с членами ЦК КПСС, беседовавшими с руководителями центральноамериканских компартий на XXIV съезде КПСС [13, оп. 63, д. 727, л. 83]. И хотя жалоба эта была опосредованной, а обвинял Мартинес Вердugo в случившемся не КПСС, а костариканца Мануэля Мору Вальверде, который якобы интриговал против него, генеральный секретарь *PCM* прекрасно понимал, что содержание беседы будет сообщено в КПСС и тем самым давал понять, что готов восстановить контакты.

К тому времени Ломбардо Толедано уже скончался, а *PPS* без своего исторического руководителя не представляла особого интереса для КПСС

в качестве местного конкурента *PCM*. Ответ МО ЦК КПСС на просьбу ломбардистов направить им поздравление в связи с 77-й годовщиной Ломбардо (скончавшегося в ноябре 1968 г.) не оставлял места для сомнений: «ЦК КПСС не поддерживает контактов с руководителями Народной социалистической партии» [13, оп. 63, д. 727, л. 92].

В то же время вердикт советских дипломатов по поводу *PCM* также не выглядел позитивным: руководство партии занимает сектантские позиции, односторонне и не всегда правильно оценивает внутриполитическую обстановку в стране», «несмотря на то, что является одной из наиболее старых марксистско-ленинских партий на американском континенте... не смогла превратиться в массовую политическую силу и представляет собой немногочисленную по составу и разрозненную организацию, не имеющую серьезной опоры в массах и не оказывающую сколько-нибудь заметного влияния на политическую жизнь страны. Партия пользуется незначительным влиянием среди студенчества, небольшой части крестьян, рабочих и служащих» [13, оп. 66, д. 1009, л. 10]. Автор доклада заметил, что в то время как партия провозглашала борьбу за демократию и независимость точек зрения, внутри самой компартии руководство как раз применяло нормы «демократического централизма», снимая с руководящих постов несогласных: М. Террасас был исключен из Президиума, поскольку не разделял точку зрения остальных по чехословацкому вопросу, немного ранее Д. Альфаро Сикейрос был выведен из состава ЦК. Партия, по оценке посольства, занимала «изоляционистскую» тактическую позицию, отвергая совместную деятельность с представителями других групп и партий левого движения, что обрекало на провал планы *PCM* по созданию «независимого и автономного альянса различных движений и объединений» для осуществления социалистической революции [13, оп. 66, д. 1009, л. 15] (пример чилийского Народного единства (*Unidad Popular, UP*) приводился в качестве доказательства совершенных *PCM* ошибок). В докладе отмечалось, что *PCM* сохранила свою позицию по чехословацкому вопросу и улучшила отношения с КП Китая, и что партия — несмотря на обещания улучшить отношения с КПСС — подвергла критике «слишком теплый прием президента Луиса Эчеверрии во время его визита в СССР».

Отношения между *PCM* и КПСС начали постепенно улучшаться в 1973 г., после переворота в Чили, свергнувшего правительство Сальвадора Альенде и оказавшегося потрясением для многих левых активистов [13, оп. 66, д. 1009, лл. 62-63]. Сообщая советским дипломатам о XVI съезде партии и о принятых единогласно резолюциях, А. Мартинес Вердugo указал, что *PCM* ожидает глубокого кризиса в Мексике (как в экономике, так и внутри правящей *PRI*) и собирается развернуть более активную работу среди профсоюзов, восстанавливая утерянные связи. Внешним фактором нормализации межпартийных контактов стало улучшение советско-мексиканских отношений после визита президента Луиса Эчеверрии в СССР в 1973 г. и его переговоров с генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, председателем Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и председателем Совета Министров СССР А. Н. Косягиным. Число разногласий между Советским Союзом и Мексикой сокращалось, и, напротив, интерес латиноамериканской страны к торговле с СССР увеличивался [13,

оп. 66, д. 1009, лл. 70, 111-114]. Для ЦК КПСС было также значимо, что после XVI съезда *PCM* руководители Исполнительной комиссии партии (созданной вместо прежнего Президиума) начали ужесточать критику в отношении «раскольнической политики» Пекина.

Применительно к международным вопросам Мартинес Вердugo подчеркнул, что XVI съезд подтвердил намерение укреплять коммунистическое единство в глобальном масштабе, и, хотя указал, что съезд ратифицировал прежние заявления Президиума (в том числе по чехословацкому вопросу), дал понять, что *PCM* полагает «чехословацкий вопрос» «уже не столь важным» и «прошлым делом». ЦК КПСС было известно, что дискуссии внутри *PCM* не привели к единогласному решению (в конце 1973 г. группа во главе с Террасасом и Кортесом — примерно 300 человек — покинули ряды партии, критикуя ее «ошибочную позицию» в отношении ЧССР и требуя укреплять связи с КПСС и «другими братскими партиями») [13, оп. 66, д. 1099, л. 88]. В Москве также давали себе отчет в том, что мексиканская компартия оставалась политической силой, не обладавшей достаточной поддержкой среди крупных масс трудящихся, хотя и наблюдался определенный рост ее влияния среди студенческих, крестьянских и профсоюзных организаций (прежде всего, в профсоюзах учителей, электриков и железнодорожников), фиксировали рост в официальных документах *PCM* числа критических замечаний в отношении ультралевацких тенденций. Восстановление более приличных отношений способствовало тому, чтобы СССР искал дополнительные точки опоры в Мексике. Мартинес Вердugo, в свою очередь, попросил, чтобы ЦК КПСС принял представителя *PCM* для подробного доклада о XVI съезде, уточнив, что, если будет невозможно оплатить поездку такого делегата, *PCM* возьмет расходы на себя [13, оп. 66, д. 1099, л. 65].

КПСС И ФИНАНСИРОВАНИЕ *PCM*

В соответствии с обрывочными сведениями, опубликованными в ходе заседаний Конституционного суда, рассматривавшего конституционность президентских указов о приостановке деятельности КПСС [25, сс.65-66], финансирование *PCM* из Москвы было в разы больше по сравнению с коминтерновской эпохой, но — по крайней мере, в отношении Мексики — не являлось регулярным: в 1961 г., к примеру, партия получила 25 тыс. долл., но в следующем году — лишь 2 тыс., в 1962 г. сумма вновь составила 25 тыс., в 1965 г. — 30 тыс., в 1966 г. возросла до 110 тыс. (без четкого пояснения, чем было вызвано столь резкое повышение). Данные по 1968 г. отсутствуют (при этом маловероятно, что *PCM* не получила никаких средств на протяжении всего года, еще до заявлений по чехословацкому вопросу), в 1969 г. *PCM* уже не фигурировала в списке партий — реципиентов помощи, по 1970—1971 гг. сведений о финансировании латиноамериканских компартий нет. В какой-то степени тезис о сокращении финансирования из Кремля для Мексики может быть подтвержден данными за 1973 г. (*PCM* не было в списке компартий Латинской Америки, получивших средства) [26].

В то же время прямые финансовые субвенции никогда не были единственным способом оказания экономической помощи коммунистам. Х.Ринкон Гальярдо в одном из интервью пояснял: «У нас был журнал “Проблемы мира и социализма”, издававшийся в Праге и продававшийся [в том числе] и в Мексике, что становилось каналом помощи. Для некоторых партий КПСС широко открывала кошелек и выдавала им много денег, в нашем случае это никогда не было системой» [8]. Он признает, что канал «Проблем мира и социализма» был значимым, поскольку членские взносы никак не позволяли покрыть расходы *PCM*. Бюджет каждого номера журнала обходился ЦК КПСС в 215 тыс. долл. и полмиллиона чехословацких крон (точных сведений о том, как распределялись расходы и доходы по странам, нет) [25, с. 66]. У КПСС были и иные способы помочь единомышленникам в различных частях света. Так, Ринкон Гальярдо упоминает ежегодные кампании и фестивали коммунистической прессы, на которые приезжали делегации из социалистических стран для продажи национальной продукции. ЦК КПСС оплачивал расходы на переводчиков для мексиканских корреспондентов-коммунистов, работавших в Москве; известен, как минимум, случай Эраклио Сепеды, представителя *La Voz de México*. Он был направлен за счет *PCM*, однако журналист не владел русским языком в достаточной степени, и Международный отдел ЦК КПСС ежемесячно оплачивал переводчика. ЦК КПСС снабжал иностранные компартии типографским оборудованием и бумагой для печати журналов на безвозмездной основе или по явно заниженным ценам.

Наконец, Москва занималась военной подготовкой ряда активистов. *PCM* запрашивала такую помощь и получила ее, по крайней мере, в 1976—1977 гг. (об этом в марте 1976 г. ЦК КПСС просил лично А.Мартинес Вердugo). Проинформировав заместителя руководителя Международного отдела ЦК КПСС о данном вопросе, ЦК в мае того же года утвердил прием 3 мексиканских, 10 аргентинских, 7 колумбийских, 15 коста-риканских и 6 никарагуанских коммунистов [13, оп. 27, д. 13, л. 13]. Ограничено число мексиканцев, получивших военную подготовку в Москве, не идет в сравнение с количеством центральноамериканцев, аргентинцев и чилийцев. Однако сам факт того, что коммунистов посылали на учебу в военно-учебные заведения Советской армии, в страну, подвергнутую *PCM* критике за военное вторжение в ЧССР, заставляет сомневаться в степени автономии и дистанцирования «еврокоммунизированной» мексиканской компартии от «сталинистской» КПСС.

КОНЕЦ ИСТОРИИ *PCM*

Исторический путь *PCM* завершился на ее XVIII съезде, когда А.Мартинес Вердugo поднял вопрос о возможности не только объединиться с другими левыми группами, но и изменить название партии. Наблюдая открытие электоральных возможностей, руководящее ядро компартии было вынуждено признать, что социалистическая революция не могла произойти в ближайшем будущем и что необходимо искать другой способ добиться политических и социальных перемен. На этом же съезде речь Мартинеса Вердуга была полна позитивных упоминаний о партизанской борьбе

бе Кабаньяса, однако о поддержке ее не говорилось, поскольку уже вскоре *PCM* полностью отказалась от любой вооруженной борьбы. Партия также отказалась от тезиса о том, что рабочий класс и крестьянство являются движущей силой революции, что в итоге и со временем позволило расширить социальную базу *PCM* [8]. Концепция «диктатуры пролетариата» сменилась тезисом о «рабочей и демократической власти». По словам Х.Ринкона Гальярдо, это было способом «порвать, не порывая» и покончить с концепцией диктатуры, термином, который в Латинской Америке почти всегда ассоциировался с авторитарной и консервативной властью, жестокостью военных и правых правительств; левые стремились к тому, чтобы эти понятия не ассоциировались с ними. В рамках такого подхода предполагалось порвать со сложными отношениями между левыми и авторитарными властями, отношениями столь долгими, что в полной мере они не преодолены и до сего дня.

Как показывает Педро Амаури Миранда Бельо, нарастающее дистанцирование *PCM* от КПСС положило начало формированию целого ряда небольших партий [27, pp. 21-36] и позволило коммунистам сблизиться с течениями, которые поддерживали контакты как с *PCM*, так и с *PRI* [28, pp. 146-149].

Объединенная социалистическая партия Мексики (*Partido Socialista Unificado de México, PSUM*), созданная в конце 1981 г., больше склонялась к привычным для «еврокоммунизма» и социал-демократии ценностям, нежели к традиционным взглядам *PCM* и КПСС; выступала за освобождение политзаключенных, отмену антиконституционных структур в сфере общественной безопасности, свободу политических и профсоюзных объединений и реальное право на забастовку. Термин «социализм» практически исчез из речей Мартинеса Вердugo, и данный факт формальноставил точку на отношениях, все еще сохранявшихся с КПСС. В то же время, как указывает Б.Карр, программа «еврокоммунизованной» *PCM*, а затем *PSUM* существенно отличалась от платформы «исторических» еврокоммунистов [2, pp. 284-293].

Поддержка левых социалистов и коммунистов, оказанная Национальному демократическому фронту (*Frente Nacional Democrático, FDN*) и президентской кандидатуре Куаутемока Карденаса в 1988 г., открыла новую страницу в деле демократической трансформации Мексики. Однако это слияние левых и революционного национализма означало, прежде всего, исторический триумф карденизма (которому в 1930-е годы не удалось достичь полного поглощения компартий) и ослабление марксистского/революционного течения внутри новой левой общенациональной Партии демократической революции (*Partido de Revolución Democrática, PDR*). *PDR* также абсорбировала значительную часть экс-троцкистов (положив конец автономному существованию данного идеологического направления внутри мексиканского левого движения) и членов Мексиканской партии трудящихся (*Partido Mexicano de Trabajadores, PMT*), возникшей на базе объединений интеллигентии 1968 г. и придерживавшейся независимой от КПСС и других международных структур позиции. Все это поставило точку в существовании марксистского революционного течения в Мексике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Martínez Verdugo A. (ed.). *Historia del comunismo mexicano*. Madrid, Grijalba, 1985, 501 p.
2. Carr B. *La izquierda mexicana a través del siglo XX*. México, Era, 1996, 423 p.
3. Córdova A. *La política de masas y el futuro de la izquierda en México*. México, Era, 1979, 131 p.
4. Peláez G. *Partido Comunista Mexicano: 60 años de historia*. Sinaloa, Universidad Autónoma de Sinaloa, 1980, 145 p.
5. Taibo II P.I. *Bolcheviques*. México, Joaquin Mortiz, 1986, 345 p.
6. Illades C. *Las otras ideas. El primer socialismo en México. 1850-1935*. México, Era, 2008, 328 p.
7. Ortega Reyna J. *Herencia roja. Reflexiones sobre el centenario del Partido Comunista Mexicano. Letras históricas*, México, 2020, N 23, pp. 195-223.
8. Gómez Bruera H. Entrevista con Gilberto Rincón Gallardo. *Este País. Tendencias y opiniones*. Available at: https://archivo.estepais.com/inicio/historicos/142/12_entrevista_Gilberto%20rincon_Gomez.pdf (accessed: 12.10.2021).
9. Semo E. “Arnoldo Martínez Verdugo y la política internacional”, discurso en el homenaje virtual a Arnoldo Martínez Verdugo, 22 de septiembre de 2020. Arnoldo Martínez Verdugo. Repositorio Digital. Benemérita Universidad Autónoma de Puebla / Secretaría de Cultura / Centro de Estudios del Movimiento Obrero y Socialista. Available at: <https://cultura.buap.mx/arnoldo-martinez-verdugo/?q=enrique-semo-martinez-verdugo-y-la-politica-internacional> (accessed: 12.05.2021).
10. Ponce A. Martínez Verdugo: repaso de la izquierda antiestalinista. *Proceso*. México, 24.05.2013.
11. Concheiro E. y de la Fuente G. Comprometidos con el movimiento: entrevista a Arnoldo Martínez Verdugo. *Memoria*, México, 1998, N 115.
12. Duclos J. On the dissolution of the Communist Party of the United States. W.Z.Foster et al., *Marxism-Leninism vs. Revisionism*. N.Y., New Century Publishers, 1946, pp. 21-35.
13. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5, оп. 28, д. 440 [Russian State Archive for Contemporary History. F.5, inv. 28, fold.440] (In Russ.).
14. L.Suárez (ed.), Manuel “Barbaroja” Piñeiro”, Che Guevara and the Latin American Revolution. Melbourn-N.Y., Tricontinental, 2006, 289 p.
15. Winocur M. Del Partido Comunista. *La Insignia*. 26.XI.2003. Available at: <https://www.lainsignia.org/2003/noviembre/cul051.htm> (accessed: 14.11.2004).
16. *Ovaciones*. México, 19.03.1971.
17. Urrego M.A. Historia del maoísmo en América Latina: entre la lucha armada y servir al pueblo. *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*. Bogotá, 2017, vol. 44, N 2.
18. Jeifets L. y Jeifets V. “‘Discúlpanos, Mario: te hemos engañado’, eran palabras del Che. La entrevista con Mario Monje Molina. *Pacarina del Sur*. México, 2014, N 21. Available at: <http://pacarinadelsur.com/home/figuras-e-ideas/1031-disculpanos-mario-te-hemos-enganado-eran-las-palabras-del-che-la-entrevista-con-mario-monje-molina> (accessed: 20.11.2015).
19. Ortega Juárez J. El Partido Comunista Mexicano (1963–1981). Un legado contradictorio. *Este País. Tendencias y opiniones*. México, 17.07.2020.
20. Moreno Elizonde J. La Liga Comunista Espartaco: 1966-1972. Notas de investigación, indicios, tesis e interrogantes. *Izquierdas*. Santiago, 2020, N 49.
21. Velásquez Vidal U. El maoísmo en México. El caso del Partido Revolucionario del Proletariado Mexicano, 1969-1970. *Encartes antropológicos*, 2018, pp. 101-121.
22. *La Voz de México*. México, 27.08.1968.
23. Amezcua Dromundo C. El marxismo lombardista. Vigencia y aportes a la transformación revolucionaria. C.Massón Sena (ed.), *Las Izquierdas Latinoamericanas: Multiplicidad y Experiencias durante el Siglo XX*. Santiago, Ariadna, 2017, pp. 321-340.
24. Martínez Verdugo A. Crisis política y alternativa comunista. Crónicas, testimonios y documentos. México, Cultura Popular, 1969, 286 p.
25. Молчанов Д.П., Невзорова И.В. Деятельность Международного отдела ЦК КПСС по материалам Конституционного суда РФ. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. Пенза, 2021, № 1, сс. 62-71 [Molchanov D.P., Nevzorova I.V. Deiatel'nost' Mezhdunarodnogo otdela TsK KPSS po materialam Konstitutsionnogo suda RF [The activity of the International Department of the CC of the CPSU. Based on the materials of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. Penza, 2021, N 1, pp. 62-71. (In Russ.)].

26. Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х гг. М., Политическая энциклопедия, 2021, 1009 с. [Rossia i Afrika. Dokumenty i materialy. 1961 — nachalo 1970-kh gg. [Russia and Africa. Documents and materials, 1961 — the beginning of the 1970s]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopedia, 2021, 1009 p. (In Russ.).

27. Amaury Miranda Bello P. Continuidades, rupturas y oportunidades de la izquierda Mexicana, 30 años después de la caída del muro de Berlín. *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*, 2019, vol. 4, N 19, pp. 20-36.

28. Rodríguez Araujo O. La reforma política y los partidos en México. México, Siglo Veintiuno Editores, 1989, 353 p.

Victor Jeifets (jeifets@gmail.com)

Doctor (in History), Professor of the RAS, Professor at St. Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7-19, 199034 St. Petersburg, Russian Federation;

Professor at the University of Aerospace Instrumentation

Bolshaya Morskaya St., 67, 190000 St. Petersburg, Russian Federation;

Leading Researcher at the Institute of Latin America of the RAS

B.Ordynka Str., 21/16, 113035 Moscow, Russian Federation

Some fragments of this article were published in the journal "Izquierdas" and are used with the written permission of the above mentioned journal.

Mexico — Moscow — Mexico. Some vicissitudes of inter-party relations between the Communists during the Cold War

Abstract: The article, based on archival materials from the collections of the International Department of the CPSU Central Committee, contains a research over a number of aspects of the relationship between the CPSU and the Mexican Communist Party (MCP). The author, showing the difficult path of liberation of the MCP from Stalinism, examines it, among other things, from the point of view of Soviet-Mexican interstate contacts. Without questioning the democratic evolution of the Mexican Communist Party, the author at the same time shows that relations between it and Moscow were much more complex even after the Mexican communists had condemned a number of actions undertaken by the USSR.

Key words: the CPSU, the inter-party relations; USSR-Mexico; anti-Stalinism; the Mexican Communist Party; A.Martinez Verdugo.

DOI: 10.31857/S0044748X24120049

Received 16.03.2024.